

DOI: 10.24412/cl-37214-2023-2024-89-135-149

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ «ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА»¹

Евгений Зеленеv

Институт востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ORCID: 0000-0001-6602-1806

evzelenev@gmail.com

Abstract

The article hypothesizes that the genesis of Russian Asian and African studies can best be understood by placing the arguments in the context of the "Eastern Question". The article explains why in Russia graduates of Asian and African bachelor's and master's degrees have mainly only two specialties – in history and philology. The reasons for the existence of several Asian and African educational models of master's and bachelor's degrees are investigated, the concept of “alternative Asian and African studies” is introduced, and examples of its development in modern Russia are given. The author raises the question of the need to separate the specialty “Asian and African Studies” into an independent scientific direction, to include it in the register of scientific directions of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, to create Asian and African Studies graduate schools, dissertation councils and to defend dissertations for the degrees of candidates and doctors of sciences. The author calls to turn to common sense and remove the bureaucratic block from scientific research in the field of Asian and African studies.

Keywords: Asian studies, African Studies, Oriental Studies, Orientalism, “The Eastern Question”, Russian Foreign Policy, Education in the USSR and the Russian Federation

Аннотация

В статье выдвигается гипотеза, что лучше всего можно понять генезис российского востоковедения и африканистики, поместив рассуждения в контекст «Восточного вопроса». В статье объясняется, почему в России выпускники востоковедных бакалавриата и магистратуры имеют преимущественно только две специальности – историка и филолога. Исследуются причины существования нескольких востоковедных образовательных моделей магистратуры и бакалавриата, вводится понятие «альтернативное востоковедение», приводятся примеры его развития в современной России. Автор ставит вопрос о необходимости выделения специальности «Востоковедение и африканистика» в самостоятельное научное направление, включения его в реестр научных направлений Минобрнауки РФ, создания востоковедных аспирантур, диссертационных советов и осуществ-

¹ Данная статья развивает идеи, которые ранее были изложены автором в статье Зеленеv 2023: 14-32.

ления защит диссертаций на соискание степеней кандидатов и докторов наук. Звучит призыв обратиться к здравому смыслу и снять бюрократический блок с научных изысканий в области азиатских и африканских исследований.

Ключевые слова: востоковедение, африканистика, ориентализм, «Восточный вопрос», внешняя политика России, образование в СССР и РФ

1. Исторические корни российского востоковедения

В современной России востоковедение, объединенное в единый комплекс с африканистикой, выделено в самостоятельное учебное направление «Востоковедение и африканистика», по которому ведется обучение студентов в более чем 20 российских университетах. Африканистика в России до середины 90-х годов прошлого века считалась частью востоковедения. В ходе реформ по переходу российского высшего образования на стандарты Болонской образовательной модели,² проводимых в России со второй половине 1990-х годов, африканистика выделилась из востоковедения, образовав с ним вышеупомянутый тандем «Востоковедение и африканистика», включенный в реестры Минобрнауки как самостоятельная учебная специальность. По смыслу «Востоковедение и африканистика» может быть отождествлена с европейско-североамериканскими «Asian and African studies» («Азиатскими и африканскими исследованиями»)³ Объединение российского востоковедения и африканистики в рамках одной образовательной специальности – вопрос дискуссионный. Ниже мы вернемся к нему, указав на противоречия, тающиеся внутри этого бинарного конструкта.

В российском официальном реестре специальностей образовательная модель «Востоковедение и африканистика» включена в укрупнённую группу специальностей и направлений подготовки «Гуманитарные науки и языки», хотя очевидно, что в реальности многие специалисты-востоковеды и африканисты успешно реализуют себя также и в сфере социальных наук (укрупнённая группа «Науки об обществе и человеке»). Было бы справедливо признать направление «Востоковедение и африканистика» одновременно и гуманитарной, и социальной (включая политические) наукой, поместив его в ряд надотраслевых наук, выше отраслевых.

Подобная схема рассматривается сегодня как рабочая гипотеза по включению «Востоковедения и африканистики» в реестр научных дисциплин Министерства науки и высшей школы РФ. Пока же официально научного направления «Востоковедение и африканистика» в России не существует, но есть такая образовательная модель в бакалавриате и магистратуре. Рассмотрим, как сложилась эта ситуация.

Востоковедение (в первоначальном понимании – западная наука о Востоке) как академически значимое явление возникло в России в конце XVIII – начале XIX в. (Kemper 2018) преимущественно как аналог европейского

² Болонская система образования возникла в 1999 г. и объединяет студентов 46 стран. РФ присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., вышла из него в 2022 г.

³ Некоторые авторы предлагают отождествлять понятие «востоковедение» с понятием «Orientalism», дифференцируя его с понятием «Orientalism».

«ориентализма». ⁴ Ручейки ориентальных знаний проникали в Россию из Европы особенно интенсивно в период «просвещенного абсолютизма» Екатерины II (1762-1796 гг.) и позже в правлении ее внуков царей Александра I (1801-1825 гг.) и Николая I (1825-1855 гг.) (Бартольд 1911).

Имена востоковедов-европейцев, служивших Российской империи, широко известны, поскольку именно они заложили фундамент классического востоковедного знания в России (Попова 2015: 4–13). Их дело продолжила блистательная плеяда дореволюционных российских востоковедов (История 1997).

Европоцентристский характер российского востоковедения того времени не вызывает сомнения, однако уже тогда внутри российского востоковедного сообщества существовали два направления. Одно, преобладавшее, следовало в русле европейского ориентализма, изучая Восток с позиции наружного наблюдателя - этный подход (*ethnic standpoint*). Второе направление, которое методологически полностью зависело от первого, и в котором важную роль играли выходцы из восточных народов в том числе и самой России (арабы, персы, татары, буряты, евреи и другие «азиатцы»), изучало Восток не только снаружи по-европейски, но и изнутри, глазами инсайдера - эмный подход (*emic standpoint*) (Pike 1967: 37-72). Принципиальная разница этих двух подходов, на наш взгляд, заключается в возникающих между ними отношениях аналогичных отношениям между понятиями «сознание» и «самосознание». Этный подход допускает ментальное неравенство между субъектом (наблюдающим) и объектов наблюдения, а эмный подход предполагает ментальное единство наблюдателя и объекта наблюдения. Эта уже вышедшая из моды теория важна для понимания генезиса востоковедения потому, что за последние 200 лет востоковедное научное знание и образовательная модель прошли путь от абсолютного доминирования обремененного европоцентризмом этного подхода в изучении Востока, к преобладанию эмного подхода, воплощенного в различных интерпретациях доктрины евразийства, прочно включенной в современную российскую государственную доктрину⁵. Как в любой идеальной модели теоретическое противопоставление этного и эмного подходов применительно к востоковедению на практике не абсолютно, обычно эти подходы смешаны в разных пропорциях, и от их соотношения зависит объективность исследования.

Ниже мы попытаемся рассмотреть генезис российского востоковедения в контексте российской истории, как далекой от современности, так и совсем недавней, стремясь до определенной степени уравновесить субъективизм этного и эмного подходов.

2. Российское востоковедение в контексте «Восточного вопроса» (1768–1918 гг.)

Предлагаем гипотезу, согласно которой логика развития востоковедения в России связана не только с непосредственным западно-европейским влиянием, но также и

⁴ Принято считать, что истоки российского востоковедения восходят к эпохе «европеизатора» Петра Великого (Van der Oye 2010: 31).

⁵ Авторство понятия «Большая Евразия» приписывается Си Цзиньпину (2013 г.). Аналог «Большой Евразии» – инициатива В.В.Путина – «Большое евразийское пространство», выдвинутая им в 2015 г.

с опосредованным влиянием глобальных мегаисторических процессов. Речь идет о таком историческом феномене, как «Восточный вопрос», а именно исторической концепции о колониальном разделе «Большого человека Европы»⁶ - Османской империи.

За полтора века со второй половины XVIII в. по 1918 г. Россия семь раз вступала в вооруженные конфликты с Османской империей, находясь с ней за этот период в состоянии войны в общей сложности около 25 лет. Все это время Османская империя была главным геополитическим противником России в Азии, оказывая влияние на все сферы российской жизни. Героизации российского вооруженного противостояния с турками посвятили свои произведения А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, В.В. Верещагин, И.С.Тургенев и многие другие писатели, поэты, художники того времени. Так что «Восточный вопрос» нельзя отнести только к сфере высокой науки или малозаметному явлению российской духовной жизни. Напротив, это был один из ключевых внешнеполитических факторов, влиявший на духовную жизнь России и на развитие востоковедного знания, в частности.

Не вдаваясь в детали и обходя дискуссии, упростим: «Восточный вопрос» как исторический феномен возник в последней трети XVIII в. Его авторство следует искать в трудах английских историков. Со временем концепцию поддержали представители других европейских исторических школ, включая российскую (Киняпина 1978). Возможность постановки вопроса о разделе Османской империи между европейскими империалистическими державами возникла благодаря европейской промышленной революции конца XVIII в., которая позволила ведущим странам Европы установить политико-экономический контроль над значительными пространствами Азии и Африки.

Со временем европейский капитализм повсеместно победил «азиатские способы производств»⁷ и установил колониальную зависимость над большинством стран Азии и Африки. По мнению ряда историков, знаковой вехой генезиса «Восточного вопроса» считается русско-турецкая война 1768-1774 гг., завершившаяся заключением в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Османской империей, по которому над важной османской геополитической территорией - полуостровом Крым - был установлен суверенный контроль Российской империи. «Восточный вопрос» как вопрос о судьбе Османской империи был разрешен в 1918 г. с окончанием Первой мировой войны. Османская империя была разгромлена и расчленена: на ее останках возникла современная Турция, и были весьма произвольно созданы в их нынешних границах арабские страны, которые почти все сразу попали в политическую и экономическую зависимость от европейских метрополий, в числе которых была бы и Российская империя, не случись Октябрьской революции 1917 г.

Именно в этот исторический период (конец XVIII в. – 1918 г.) в России сложились принципы имперского изучения Востока, решавшие задачу с позиции европоцентризма научно описать афро-азиатский регион, значительная часть которого уже была объектом европейской колонизации. Одним из примеров такой

⁶ “Sick man of Europe”. Считается, что этот термин применительно к Османской империи впервые употребил император Николай I.

⁷ Термин введен в оборот немецким философом Карлом Марксом в «Критике политической экономии».

взаимосвязи служит деятельность христианских духовных миссий в Китае и вызванное ей стремительное развитие китаеведения. Другой пример – поход Наполеона Бонапарта в Египет (1798–1801 гг.), давший стимул развитию египтологии. В России таким примером служит Императорское православное палестинское общество, созданное в 1882 г. и оказавшее заметное влияние на комплексное изучение Ближнего Востока. Аналогичные параллели прослеживаются в арабистике, индологии, иранистике, тибетологии и других областях востоковедных знаний.

Напомним, что в российском востоковедении тогда преобладал междисциплинарный подход, а прием абитуриентов в Университет осуществлялся на разряды, например китайско-маньчжурский, монголо-калмыцко-татарский, арабо-персидско-турецко-татарский и др. Разряды формировались по языковым и культурно-цивилизационным признакам – это был весьма современный и прогрессивный для того времени метод образования, предвосхитивший развитие современных трансдисциплинарных гуманитарных научных направлений.

Сегодня нередко приходится слышать о так называемом историко-филологическом комплексе знаний, который якобы имеет место быть в большинстве программ по «востоковедению и африканистике» современных российских университетов. С этим трудно согласиться. Действительно такой комплекс существовал в российской и советской ориенталистике с первой половины XIX в. до начала 30-х годов XX в.,⁸ когда студенты получали комбинированное (комплексное) филолого-историко-гуманитарное образование. Эта модель востоковедения полностью прекратила свое существование в СССР к середине 30-х годов XX в.

Российское востоковедение XIX – начала XX в. отличалось от европейского и североамериканского ориентализма упоминавшейся выше изначальной двойственностью. Наряду с привнесенной традицией «европоцентризма» в российском востоковедении существовала и восточная линия самопознания, так сказать «евразийская», носителями которой были в первую очередь европейски образованные представители Востока, но при этом подданные Российской империи. Фактор самопознания ставил перед российским научным изучением Востока также и мировоззренческую задачу, затрагивая, собственно, и российскую идентичность (Van der Oye 2010: 3-9). Между российскими сторонниками внешнего изучения Востока, с одной стороны, и восприятия России как евразийского феномена, с другой, шла напряженная борьба, не дававшая, впрочем, победы ни одной из сторон.

До некоторой степени эта ментальная двойственность соответствовала двум течениям русской общественной мысли – славянофильству и западничеству (Барер 1939: 72-81). Фактически российское имперское общество своей элитой, включавшей относительно малочисленных представителей коренных нерусских меньшинств, стремилось сблизиться с Европой, тогда как российское (и русское, и нерусское) автохтонное прежде всего аграрное население имело с европейской

⁸ В 1930 г. понятие «востоковедение» было полностью удалено из учебных программ советских университетов, а соответствующие преподаватели переведены на филологические и исторические факультеты. С этого времени так называемая классическая модель образования в области востоковедения перестала существовать в СССР.

культурой мало общего. Именно это сочетание создавало геокультурный код России, делавший и продолжающий делать ее в глазах коренных европейцев неким кентавром – смешением Запада и Востока, Европы и Азии. Справедливости ради отметим, что представители европейской культуры уже начали осознавать, что далеко не все, кто перебрался жить в Европу из Азии и Африки, полностью воспримут ценности европейского мира и передадут эту идентичность по наследству. Увы, для этих иллюзий все меньше оснований, и перспектива для европейцев стать евразийцами по российской модели, возможно, не самая печальная перспектива для европейской цивилизации.

3. Востоковедение после 1918 г.

Исторически «Восточный вопрос» исчерпал себя в 1918 г., однако его смысловое содержание не только не улетучилось с крахом Османской империи, но даже получило продолжение, которое мы определим понятием «Восточный вопрос – 2».

Дело в том, что цели и средства решения первого «Восточного вопроса» были с незначительными уточнениями перенесены с Османской империи на Советскую Россию, а потом и на СССР. «Восточный вопрос – 2», а именно задача колониального раздела СССР, решалась странами условного Запада с 1919 по 1991 год – свыше 70 лет, то есть вдвое быстрее, чем первый «Восточный вопрос». Значительная часть это периода, пришедшаяся на годы после Второй мировой войны, получила в исторической литературе название периода холодной войны или биполярного мира, историческое содержание которого определялось глобальным геополитическим противостоянием СССР и США.

В СССР к началу Великой отечественной войны имперское дореволюционное востоковедение, отделенное от своих «европейских» корней, растворилось в отраслевых науках, прежде всего в филологической и исторической. Востоковедение в России пыталось подстроиться под марксизм, тем более что между мировыми войнами он еще был живым учением и допускал определенную свободу для идеологических дискуссий. Однако этот компромисс, имевший внутреннюю природу, не всегда позитивно сказывался на научно-образовательном качестве российского востоковедения. Дело в том, что марксизм в российской интерпретации, с его классовым подходом и воинственным атеизмом, применительно к странам Востока не годился как универсальная научная методология. Применявшие ее востоковеды либо вставали на идеологические позиции, далекие от объективного понимания реальности, либо вынужденно отступали от постулатов марксизма, вели дискуссии о выдвинутом К.Марксом тезисе о загадочном «азиатском способе производства», что делало их уязвимыми для критики со стороны ортодоксальных марксистов. Была и другая, более важная внешняя причина кризиса востоковедения, она состояла в том, что отказ советского руководства от утопической идеи мировой социалистической революции и победа сталинской концепция строительства социализма в отдельно взятой стране (после 1925 г.) делали дореволюционное востоковедение ненужным и даже вредным. Об этом было прямо написано в статье В.А.Гурко-Кряжина, помещённой в Большой советской энциклопедии 1929 г. (Гурко-Кряжин 1929).

В этот период с европоцентризмом в российском востоковедении было практически покончено. Особенно это проявлялось в организованной кампании

критики европейского колониализма и империализма, то есть именно тех сфер, которым первоначально европейский ориентализм был обязан своим появлением. К началу Великой отечественной войны российско-советское востоковедение и как образовательная модель, и как научное направление перестали существовать. Этому способствовали и репрессии 30-х годов, которые не обошли востоковедов стороной (Васильков, Сорокина 2003).

В 1944 г. советское руководство приняло решение восстановить востоковедное образование в Советском Союзе. Принципом этой новой модели образования стало разделение как преподавателей, так и выпускников учебных заведений, где изучались языки и культура народов Азии и Африки, исключительно только на филологов и историков. Один год принимали абитуриентов на отделение Всеобщей истории, а другой – на филологическое отделение с двумя возможными специализациями – лингвистика и литературоведение.

Послевоенные российские востоковеды, многие из которых прошли Первую мировую и гражданскую войны, сталинские репрессии и Вторую мировую войну, с огромным трудом добившиеся права находиться в зоне относительного интеллектуального комфорта в рамках научных парадигм филологии и истории, не решились идти трудным, да в то время еще и небезопасным путем воссоздания научного знания о странах Востока как комплексного гуманитарно-социального явления. Говоря современным языком, они не стали создавать востоковедную научную парадигму как трансдисциплинарную или надотраслевую синтетическую науку. Это были годы, когда надотраслевые науки, в числе которых было и востоковедение, и которые были призваны синтезировать новое научное знание на междисциплинарной основе, не пользовались официальной поддержкой. Вспомним печальную судьбу кибернетики, генетики, геополитики, запрещенных в СССР по идеологическим причинам – «как вредные буржуазные науки».

Таким образом воссоздания синтетического филолого-исторического образовательного комплекса, что была бы полумерой, но все-таки шагом в требуемом направлении, так и не произошло. Сегодня в российском высшем образовании в рамках «Востоковедения и африканистики», за небольшим исключением, по-прежнему преобладает подготовка либо филологов, либо историков.

4. Применим ли «Восточный вопрос» к современному историческому периоду?

По аналогии с двумя предыдущими «Восточными вопросами» «Восточный вопрос – 3» в новой и, как обычно, неповторимой уникальной форме возник в 1991 г. Его объектом стала часть евразийского пространства СССР, сохранившая свое политическое единство и получившая название Российская Федерация. Чтобы не быть голословным, сошлемся на мнение известного североамериканского политолога и политического футуролога Джорджа Фридмана. Он утверждает, что стратегема фрагментации России рассчитана на 30-40 лет и укладывается во временные рамки 1991-2025-30 гг. Отметим, что его работы были переведены на русский язык и изданы в российском издательстве «Эксмо» (Фридман 2010, Фридман 2011). Рискну предсказать, что при любом исходе «Восточного вопроса – 3» за ним последует «Восточный вопрос – 4». Кто или что будет его объектом сейчас сказать трудно, но список кандидатов на эту незавидную роль весьма

внушительный. В нем есть место и Китаю, и Индии, и Японии, не говоря уже о таких геополитических феноменах, как Саудовская Аравия, Иран, КНДР и даже Турция.

Какова же возможная судьба российского востоковедения в интервале между 1991-2025-30 гг.? Прежде всего, констатируем некоторые факты: во-первых, российское востоковедение после 1991 г. сблизилось с западноевропейскими и североамериканскими азиатскими и африканскими исследованиями (Asian and African studies), восприняв их объективизм, деидеологизацию и социально-культурную антропологическую методологию, но также в него вернулись элементы неокOLONиальной имперскости и западоцентризма. Антиколониальная риторика советского периода была свернута. Её место заняли безусловно «западоцентристские» концепции «коллективной безопасности», «борьбы с международным терроризмом», «защиты демократии, социальных прав и свобод», «гендерное равенство». Принципиально изменилась тематика исследований, которые все больше стали соответствовать западноевропейской и североамериканской научной повестке. Многократно возросло количество исследований, издающихся российскими учеными на английском и других европейских языках, в том числе и за рубежом. Так продолжалось до 2008 г., когда разразился глобальный финансовый кризис, затем, после 2014 г., расхождения в политике РФ со странами условного Запада, прежде всего с США, стали стремительно нарастать, достигнув максимума после февраля 2022 г., когда началось военное противостояние России с Украиной. Последствием этого стал масштабный разрыв политических, экономических и культурных связей стран условного Запада с Россией, вплоть до того, что РФ была исключена из международного формата G-8 и подверглась жестким санкционным ограничениям. Конфронтация с Западом привела к активизации отношений РФ со странами Азии и Африки. Особое значение приобрели российско-китайские и российско-индийские отношения. В последние годы в России заметно возрос интерес и к другим отраслям востоковедения и африканистики.

На этом политическом фоне перед российским востоковедением вновь стал вопрос о предназначении, цели и методах соответствующего образования и научного знания в новых геополитических обстоятельствах. Дискуссия о миссии современных российских исследований Азии и Африки проходила на многих локальных университетских площадках (Московский государственный университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт востоковедения Российской академии наук и других), а также на международных форумах (Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум и другие).⁹

5. Востоковедение и африканистика в российской классификации наук

Возрожденное после 1944 г. российское высшее образование по направлению «Востоковедение» (тогда еще включавшее в себя африканистику) не сопровождалось соответствующим восстановлением научных позиций этой области знания. Оно не было официально признано научным направлением за

⁹ В процессе этих дискуссий открыто звучал призыв выйти за рамки историко-филологической бинарности, унаследованной от прошлого исторического периода.

пределами двух филологических и одной исторической специальности. Во втором издании Большой советской энциклопедии (1951 г.) в пространной статье с названием «Востоковедение» говорится, что это – «исторически сложившаяся совокупность научных дисциплин, изучающих историю, экономику, языки, литературу, искусство, памятники материальной и духовной культуры Востока» (Востоковедение 1951: 193). Как отмечалось выше, востоковедение не вошло и не входит в реестры Министерства науки и высшей школы РФ как научная специальность. После 1944 г. в СССР востоковедение оформились лишь как образовательная модель в форме пятилетнего специалитета, позднее, после 1991 г., также возникла соответствующая образовательная модели бакалавриата и магистратуры. Именно поэтому в современной России есть бакалавры и магистры по «Востоковедению и африканистике», но нет ни одного кандидата или доктора наук по «Востоковедению и африканистике». Парадоксально, но факт: 22 российских университета ведут подготовку тысяч специалистов по направлению «Востоковедение и африканистика» на уровне бакалавриата и магистратуры, которые после окончания бакалавриата не имеют возможности продолжить научную карьеру по полученной специальности, так как соответствующего научного направления официально не существует. После окончания университета выпускники традиционных востоковедных программ автоматически, за незначительным исключением и независимо от их желания, «превращаются» в историков и филологов. Не всех это устраивает, что увеличивает запрос на изменения и реформы.

Есть еще один аспект этого вопроса. Он касается африканистики. Дело в том, что деление на историков и филологов совершенно не касается африканистики, которая сохраняет, по крайней мере на уровне образовательной модели, универсальный трансдисциплинарный характер. В российских университетах, где имеется это учебное направление, прием студентов в бакалавриат осуществляется на специальность «африканистика», выпускникам бакалавриата также присваивается квалификация «африканист». Согласитесь, что это весьма странно и нелогично, поскольку внутри официальной специальности «Востоковедение и африканистика» востоковедение дифференцируется по отраслевым наукам (история, филология, реже, экономика и искусствоведение), а африканистика сохраняет признаки комплексности. Напрашивается вывод, что следует либо «отраслевить» африканистику, либо в востоковедении что-то подправить, либо расстаться друг с другом. Разумеется, реформирование востоковедения, по мнению автора этой статьи, самое предпочтительное.

В апреле 2023 г. Министерство науки и высшей школы РФ разослало группе российских ученых проект «Программы развития образования и исследований в области востоковедения и африканистики, которая рассчитана до 2030 г. В июле 2023 г. на саммите «Россия-Африка» министр науки и высшей школы Валерий Фальков анонсировал подготовку данной Программы, а 17 августа 2023 г. журналистам газеты «Ведомости» министр разъяснил цели и задачи Программы.¹⁰

¹⁰ Востоковедов и африканистов будут обучать по новой методике // Ведомости, 17 августа 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/18/990732-vostokovedov-i-afrikanistov-budut-obuchat-po-novoi-metodike>

Параллельно с этим на страницах серьезных российских научных изданий, на научных конференциях и в среде интеллектуалов современной России последние годы также ведется интенсивная дискуссия о роли и месте Востоковедения и африканистики в российском образовательном и научном ландшафте (Аликберов 2022; Лукин 2023; Кузнецов 2023).

На вопрос - где в официальном перечне научных дисциплин, принятом Минобрнаукой, могли бы найти свое место «Востоковедение и африканистика» даются разные, причем часто взаимоисключающие ответы. К отраслевым научным дисциплинам российские «Востоковедение и африканистика» отнести сложно, поскольку на протяжении XIX и XX вв., когда возникало большинство современных отраслевых наук, это направление сохраняло надотраслевой характер, оставаясь комплексной научной и учебной дисциплиной. В России научный продукт в области востоковедения, наряду с отраслевыми работами в русле научной эпистемы лингвистики, литературоведения и истории, очень часто носил и продолжает носить междисциплинарный и трансдисциплинарный характер, хотя это нельзя назвать типичным явлением.

Сегодня нередко приходится слышать, что преодолеть узкие рамки историко-филологической бинарности российские «Востоковедение и африканистика» могут только обретя собственную парадигму научного знания, которая неизбежно может быть только надотраслевой.

6. Что такое востоковедение в России?

В российском научном сообществе общепринятого определения востоковедения не существует. Поэтому мы, опираясь на реалии российской образовательной и научной традиции, дадим собственное определение востоковедения и африканистики в России как *комплексного научного направления и соответствующей модели образования, объектом изучения которой выступают люди, общества, языки и культуры азиатско-африканского ареала, а методологией – применение методов гуманитарных и социально-политических наук с опорой на тексты на восточных и африканских языках с целью получения качественно нового знания междисциплинарного и трансдисциплинарного уровня.*

Важнейшим объектом изучения российского востоковедения во все времена был человек с его многогранными отношениями с мирами внутренним и внешним, его язык и в самом широком смысле культура. Именно антропологический подход всегда занимал фундаментальное место в российских исследованиях Востока, делая объект его изучения четким и понятным. Российский специалист в области востоковедных исследований в идеале совмещает антропологический подход с филологическим, историческим и иными методами отраслевых гуманитарных и социально-политических наук, формируя синтетическое научное направление.

Если отталкиваться от реалий современного востоковедного образования в России, то можно сделать вывод, что науками, которые составляют фундамент востоковедного образования, остаются филология, история, культурология и антропология. Они могут достраиваться сообразно способностям и желаниям студента комплексом других гуманитарных, политических и социальных отраслевых наук, в первую очередь, экономикой, политическими науками, теоретическими и историческими аспектами международных отношений, правоведением и т.д. и т.п.

Это – теория, на практике ситуация в сфере преподавания «Востоковедения и африканистики» в России намного сложнее и противоречивее.

7. От «Введения в востоковедение» к «Постижению образа мира».

Как быть с таким казусом, когда российские специалисты в области европейских языков – лингвисты, а в области восточных языков – лингвисты-востоковеды. Весьма непросто найти объективное различие между историком-востоковедом и просто историком. Автор этих строк получил образование историка-востоковеда и искренне не понимает, какой смысл в среде коллег-историков имеет добавление «востоковед» вместо четкого указания предмета и методологии исторического исследования. Согласно принятой схеме, прошлое христианской части Кипра изучает историк, а мусульманскую часть острова должен исследовать уже историк-востоковед. Добавление «востоковед» (ориенталист) означает, что это историк какого-то иного особого рода? Абсурд!

Именно эти размышления подтолкнули коллектив ученых Санкт-Петербургского и Московского университетов, НИУ «Высшая школа экономики», Российского университета дружбы народов, МГИМО и некоторых других авторов в период между 2007 и 2012 гг., опираясь на грантовую поддержку, провести работу по созданию учебных пособий для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В итоге возникла трилогия учебников, из которой наибольшую известность приобрел первый том – «Введение в востоковедение» (Введение 2011), два же других, менее известных – это «Концепции современного востоковедения» (Концепции 2013) и «Постижение образа мира» (Зеленев 2012). Каждый том трилогии был адресован определенной студенческой аудитории, представляя собой учебные, а отнюдь не научные издания. Первый том предназначался студентам первого курса востоковедного бакалавриата, которым читался одноименный учебный курс. Причем студентам-первокурсникам надлежало рекомендовать фрагменты книги в зависимости от модели образования, принятой в ВУЗе, и конкретной востоковедной специальности. Вторая книга трилогии была адресована студентам завершающего четвертого или пятого года обучения, в зависимости от модели образования в бакалавриате, и должна была, прежде всего, пробудить у них интерес к комплексным методам научного знания, привить им вкус к междисциплинарным исследованиям.

Финальный том – «Постижение образа мира», был адресован магистрантам направления «Востоковедения и африканистики» первого или второго года обучения. В его подготовке участвовало более десяти известных ученых и педагогов, поименно названных в предисловии, но в итоге книга вышла за подписью одного человека: такова была воля участников проекта, полагавших, что их вклад в итоговый текст был незначительным. В третьем томе поднимался вопрос о задачах «Востоковедения и африканистики», которое рассматривалось как надотраслевое научное знание, для которого отраслевые гуманитарные, социальные и политические науки создавали совокупный исследовательский инструментарий. В книге говорилось, что современные исследования стран Азии и Африки могут приобретать трансдисциплинарный характер, выходить за рамки отраслевых наук и рождать принципиально новое знание и новую трансдисциплинарную методологию. Целью научного поиска в области «Востоковедения и африканистики» объявлялось формирование целостного Гуманитарного научного образа мира,

создать который методами отдельных отраслевых гуманитарных, социально-политических наук практически невозможно.

Эти книги вызвали дискуссии, была и критика, в том числе, и весьма острая. Тем не менее они вошли в круг рекомендованной для чтения студентам литературы в большинстве российских университетов.

8. «Востоковедение и африканистика» в XXI в.

Вопрос о праве «Востоковедения и африканистики» иметь статус научной дисциплины носит риторический характер. Дело в том, что мировой аналог российского востоковедения, часто по традиции именуемый ориенталистикой, но гораздо шире известный как Азиатские и африканские исследования (Asian and African studies), продолжает существовать в разных национальных образовательных школах. Некоторую одиозность понятию «ориентализм» придала дискуссия, порожденная в свое время работой американско-палестинского литературоведа и культуролога Эдварда Саида «Ориентализм» (Said 1978). Смысл критики Саида состоял в том, что европейские и шире западные востоковеды-ориенталисты, стоя на позициях западоцентризма, порой неосознанно, но чаще осознанно искажали реалии Востока. Фактически они подменяли эти реалии их собственными представлениями и оценками внешнего наблюдателя, да еще к тому же отягощенными колониальными и неоколониальными предрассудками о собственном культурно-историческом превосходстве над объектом изучения. Ориентализм был квалифицирован профессором Саидом как разновидность интеллектуального колониализма. Позиция Саида, хотя и не встретила единодушной поддержки, была услышана мировой научной общественностью (Van der Oye 2010: 6-7), породив ощущение неприятия понятия *ориентализм* как скомпрометировавшего себя проколониальностью.

Несмотря на возникшую негативную коннотацию, это понятие сохранилось как вполне нейтральное в академическом смысле: в названиях ряда признанных центров европейского образования. Один из крупнейших центров британского образования и науки, входящий в состав Лондонского университета, преспокойно носит название «Школа ориентальных и африканских исследований» («School of Oriental and African studies, SOAS»), а в университете Лейпцига действует Институт ориенталистики (Orientalistisches Institut). Примеры можно продолжать.

Все же, в большинстве современных западных учебных центров при университетах это направление именуют Asian and African studies (Азиатские и африканские исследования), или дробят его по региональным блокам. По этому научному направлению проходят защиты докторских диссертаций (PhD), присуждаются ученые степени. Степень доктора азиатских и африканских исследований (Asian and African studies) можно сегодня получить в Канаде (Университет Британской Колумбии), в США (Гарвардский университет), в университетах европейских странах. В ряде европейских и североамериканских университетов пошли еще дальше, раздробив Asian and African Studies на более узкие научные специальности, как правило привязанные к макрорегионам: ближневосточные, центральноазиатские или южноазиатские исследования. В SOAS, например, можно получить ученую степень по «Chinese and Inner Asian studies» (Исследования Китая и Внутренней Азии) и многим другим. При этом предмет и

метод этих исследований коррелирует с Asian and African studies. В Российской Федерации, увы, нечего подобного сделать невозможно, так как аналог Asian and African Studies, именуемый «Востоковедение и африканистика» в принципе лишен статуса научной дисциплины, по которой ведутся научные изыскания. Ряд российских историков науки предлагает обратиться к здравому смыслу и разблокировать востоковедение и африканистику как направление научных исследований (Зеленев 2023: 14-32).

Сторонники развития «Востоковедения и африканистики» в современной России стремятся обрести право производить такой вид научной продукции как диссертации на соискание степеней кандидата и доктора наук. Ряд российских историков науки считают, что «Востоковедение и африканистика» не должны изолировать себя от отраслевых наук, и не ограничиваться только освоением филологических и исторических специальностей. Напротив, подчеркнув собственный надотраслевой характер, этому научно-учебному направлению следует заявить о праве на использование собственной комплексной трансдисциплинарной научной методологии. Они говорят о синтетическом характере многих прорывных исследований, посвященных Востоку и имеющих междисциплинарный смысл. Речь идет как о самом научном тексте, так и о примененной при работе над ним методологии, не говоря уже о полученных в результате такого применения результатах и выводах. Одним из стратегических направлений развития российского востоковедения в обозримой перспективе постепенно становятся популярные в других странах кросс-культурные исследования, имеющие междисциплинарную природу.

9. Альтернативные модели востоковедения.

Попытки двигаться в направлении создания альтернативной модели и в научном, и в образовательном смысле сегодня делаются во многих российских университетах. Уже несколько десятилетий в Институте стран Азии и Африки МГУ осуществляется прием на экономическую, а в последние годы и на политологическую специализации в бакалавриате. В бакалавриате Новосибирского государственного университета, наряду с историческим и филологическим профилем, ведётся подготовка по специализации «Культурология и искусствоведение». На Восточном факультете СПбГУ уже давно существует многоотраслевая востоковедная магистратура.

Масштабный проект такого рода свыше 10 лет осуществляется в НИУ ВШЭ. Образовательная программа по «Востоковедению и африканистике» открылась в НИУ «Высшая школа экономики» в Москве в 2010 г., а в Санкт-Петербурге – в 2014 г. Сегодня эти проекты развиваются в рамках двух организационных структур: Школы востоковедения, существующей внутри Факультета мировой экономики и международных отношений (Москва) и Института востоковедения и африканистики (НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург). У этих проектов много общего, они представляют собой единую образовательную модель, но с некоторыми внутривидовыми различиями.

Поскольку автор этих строк лучше знаком с проектом НИУ ВШЭ в Петербурге, принимая участие в его развитии, то нижеследующий фрагмент будет посвящен описанию именно санкт-петербургской образовательной модели

востоковедного бакалавриата, без акцентирования внимания на ее различиях с московским аналогом.

К базовому профессиональному образованию востоковедного бакалавриата, фундамент которого составляют филологические, исторические, культурологические и антропологические курсы, с третьего года обучения добавляются ещё несколько профессиональных направлений, из которых учащийся выбирает одно, ему наиболее близкое.

Структура обучения по бакалаврской программе «Востоковедения и африканистики» в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург выглядит следующим образом. Два первых года студенты бакалавриата, распределенные по четырем «принимающим», то есть базовым кафедрам, проходят курс первого восточного языка, начинают изучать второй восточный язык, а также проходят фундаментальную подготовку по отраслевым дисциплинам филологического направления, истории, географии и социально-культурной антропологии. С третьего курса студенты распределяются на две новые кафедры, где им предлагается специализироваться в таких областях знания, как экономика, международные отношения, политология, социология, религиоведение и философия, культурология и искусствоведение, в перспективе и в некоторых других. Эти специализации строятся на изучении политической, общественной и культурной жизни стран Азии и Африки. Студент сам выбирает специализацию. В этом ему помогают консультации с преподавателями, посещение открытых лекций и мастер-классов.

Особую роль в индивидуализации образовательной траектории играет майнор — возможность заниматься онлайн на одном из факультетов петербургского или московского кампусов НИУ «Высшей школы экономики». Это дает студенту возможность углубить избранную отраслевую специализацию, либо, напротив, дополнить ее какой-то новой специализацией.

Логичным продолжением развития востоковедного бакалавриата в НИУ ВШЭ-Санкт-Петербурга стало открытие в 2023 г. мультидисциплинарной востоковедной магистратуры «Кросс-культурные исследования Азии и Африки в контексте международных отношений».

10. Вместо выводов

Российское востоковедение и тесно связанная с ним африканистика, безусловно, очень популярная образовательная модель, ежегодно бьющая собственные рекорды по количеству и качеству принимаемых абитуриентов в бакалавриат и магистратуру. Реформирование этого образовательного направления, появление так называемых «альтернативных» модель востоковедного образование в ведущих университетах России – реальность, с которой необходимо считаться.

Сегодня уже очевидно, что востоковедение и африканистика – это, потенциально, очень перспективное научное направление надотраслевого уровня, вооруженное трансдисциплинарной методологией, которое должно уже в ближайшее время получить официальное признание как самостоятельная отрасль научного знания в России.

Наконец, современное научное востоковедение как одна из важнейших мировоззренческих наук, может внести весомый вклад в формирование концепции «государства-цивилизации», имеющей исторические аналоги во многих странах афро-азиатского ареала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аликберов А.К. (2022), «Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы», *Ориенталистика*, №5 (4): 722-733.
- Барер И. (1939), «Западники и славянофилы», *Исторический журнал*, №2: 72-81.
- Бартольд В. (1911), *История изучения Востока в Европе и России*, Санкт-Петербург.
- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. (2003), *Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991)*, Санкт-Петербург.
- Введение (2011), *Введение в востоковедение: Общий курс*, Санкт-Петербург.
- Востоковедение (1951), «Востоковедение», *Большая советская энциклопедия*, Т.9 (Гл.ред. Б.А.Введенский).
- Киняпина Н.С. (1978), *Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XIX начала XX в.* (Отв. ред. Н.С. Киняпина), М.
- Гурко-Кряжин В.А. (1929), «Востоковедение», *Большая Советская энциклопедия* (Гл.ред. О.Ю.Шмидт), Т.13, Стб. 289–293.
- Зеленев Е.И. (2012), *Постыжение Образа мира*, Санкт-Петербург.
- Зеленев Е.И. (2023), «Современное востоковедение, европоцентризм и “Восточный вопрос”», *Российское китаеведение*, №3(4): 14-32.
- История (1997), *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года*, М.: Восточная литература РАН.
- Концепции (2013) *Концепции современного востоковедения*, Санкт-Петербург.
- Кузнецов В.А. (2023), *Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности*, М.: Издательство «МГИМО-Университет».
- Лукин А.В. (2023), «Востоковедение: предмет и перспективы развития в России», *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*, №2(15): 234-252.
- Попова И.Ф. (2015), «Классическое востоковедение на современном этапе: проблемы и перспективы», *Проблемы востоковедения*, № 4 (70), Уфа: 4–13.
- Фридман Дж. (2011), *Следующие 10 лет*, М.
- Фридман Дж. (2010), *Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века*, М.
- Kemper M. (2018), *Russian Orientalism*, Oxford University Press.
- Pike K.L. (1967), *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*, Hague.
- Said E.W. (1978), *Orientalism*, NY: Pantheon Books.
- Van der Oye D.Sch. (2010), *Russian Orientalism*, London.